

К И Т А Й С К И Е.

И О Д Е Н О К

2.1.1927.

Бюджетное
Удостоверение

ПЕРЕВОД КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО
СТИХИ В ПЕРЕВОДЕ С. МАРШАКА

K-453

РИСУНКИ В. ЛЕБЕДЕВА

КНИЖНЫЙ ФОНД

ИЗДАТЕЛЬСТВО

16861

1900-06-1

ВЕРНАЯ КОПИЯ
ДЛЯ ДИПЛОМА
ДЕЛОВА

Деловая

Ген. № 12500/В.
Ленинградский Губерн. № 25002
1 а. Тираж 7500 экз.

Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давно, давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, но всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давно, давно, жил один такой Слон,—или лучше сказать: Слонёнок,—который был страшно любопытен, и кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставаля он с расспросами.

Он приставаля к Страусихе, своей долговязой тётке, и спрашивал её, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не иначе, и долговязая тётка Страусиха давала ему за это тумана своей твёрдой-претвёрдой ногой.

Он приставаля к своему длинноногую дядьку Жирафу и спрашивал его, почему у него на шкуре пятна, и длинноногий дядюшка Жираф давал ему за это тумана своим твёрдым-претвёрдым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глаза, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за это тумана своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядьку Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядька Павиан давал ему за это тумана своей мехнатою, волосатою лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся — он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал за это тумак от всех своих дядей и тёток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слонёнок — надоеда и приставала — спросил об одной такой вещи, о которой ещё никто никогда не спрашивал. Он спросил:

— Что кушает за обедом Крокодил?

Все закричали на него:

— Тс-с-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, принялись награждать его тумакami.

Били его долго, без передышки, но когда кончили бить, он сейчас же подбежал к терновнику и сказал птичке Колоколо:

— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки колотили меня, и все мои дядьки колотили меня за несносное моё любопытство, и всё же мне страшно хотелось бы знать, что может кушать у себя за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо, печально и горько всхлипывая:

— Ступай к широкой реке Лимполо. Она грязная, мутно-зелёная, и над нею растут ядовитые деревья, которые нагоняют лихорадку. Там ты узнаешь всё.

На следующий день, когда от равноденствия уже ничего не осталось, Слонёнок набрал бананов — целых сто фунтов! — и сахарного тростнику — тоже сто фунтов! — и семнадцать зелёных хрустящих дынь, взвалил всё это на плечи и, пожелав своим милым родственникам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте! — сказал он им. — Я иду к грязной, мутно-зелёной реке Лимполо; там растут деревья, они нагоняют лихорадку, и я узнаю-таки, что кушает за обедом Крокодил.

И родственники ещё раз воспользовались случаем и хорошенько вздули его на прощанье, хотя он чрезвычайно любезно просил их не беспокоиться.

Это было ему не в диковину, и он ушёл от них, слегка потрёпанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем.

Из города Грэма он пошел в Кимберлей, из Кимберлей в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался

дынями, покуда, наконец, не пришёл к грязной, мутно-зелёной широкой реке Лимполо, окружённой как раз такими деревьями, как говорила птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слонёнок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это, собственно, такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза,—был Двухцветный Питон, Скалистый Змей, обвившийся вокруг утёса.

— Простите, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво.— Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли мне Крокодил? — с сердцем переспросил Змей.— Нашёл о чём спрашивать!

— Простите, пожалуйста! — продолжал Слонёнок.— Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двухцветный Питон не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слонёнку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуёю.

— Вот чудеса! — сказал Слонёнок. — Мало того, что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядька колотил меня, и моя тётка колотила меня, и другой мой дядька, Павлик, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное мое любопытство, — здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попрощался с Двухцветным Питоном, помог ему снова обмотаться вокруг сналы и пошёл себе дальше; хотя его порядком потрепали, он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю, потому что, повторяю, чем бы он стал их поднимать? — и скоро набрёл на какое-то бревно, валявшееся у самого берега грязной, мутно-зелёной реки Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это было совсем не бревно, — это был Крокодил. И мигнул Крокодил одним глазом, — вот так.

— Простите, пожалуйста! — обратился к нему Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слонёнок (опять-таки очень учтиво!) отступил назад, потому что новые туманчики его вовсе не привлекали.

— Подойди-ка сюда, моя крошка! — сказал Крокодил. — Тебе, собственно, зачем это надобно?

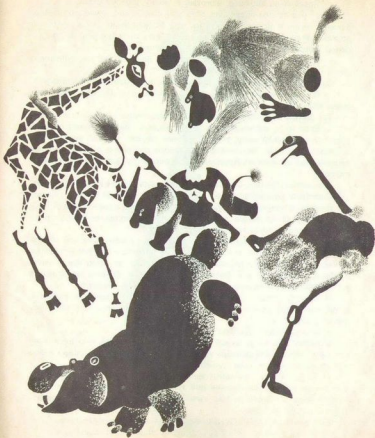
— Простите, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тётка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядька Жираф колотил меня, моя другая тётка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядька, мохнатый Павлик, колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей, вот только-что, совсем недавно, колотил меня ужасно больно, и теперь — не во гневе будь вам сказано — я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка, — сказал Крокодил, — потому что я и есть Крокодил.

В подтверждение своих слов он выкатил из правого глаза большую крокодилову слезу.

Слонёнок ужасно обрадовался; у него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Боже мой! Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, поскорее, что вы кушаете за обедом?

— Подойди-ка поближе, малютка, я шепну тебе на ушко.

Слонёнок тотчас преклонил свое ухо к зубастой, клякстой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был нисколько не больше башмака.

— С нынешнего дня, — сказал Крокодил сквозь зубы, — с нынешнего дня я буду кушать молодых Слонят.

Слонёнку это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пусди де беда, беде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно.)

Тут Двуцветный Питон, Скалистый Змей, кинулся со скалы и сказал:

— Если ты, о, мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мнение таково, что не успеешь ты сказать „Отче наш“, как, вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила), ты попадёшь туда, в ту прозрачную струю...

Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда изъясняются по-ученому.

Слонёнок послушался, сел на задние ноги и стал тянуться назад. Он тянулся, и тянулся, и тянулся, и нос у него стал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил и замутил её всю ударами своего хвоста, и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слонёнка вытягивался, и Слонёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянулся, и тянулся, и тянулся, и нос у него всё вытягивался. И Крокодил бил хвостом, как веслом, и тянул, и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался у Слонёнка нос, и больно было этому носу у-ж-ж-жа-сно!

И вдруг Слонёнок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиною:

— Осдавьде! Довольдо! Осдавьде!

Услыхав это, Двуцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задней ноги Слонёнка и сказал своим торжественным голосом:

— О, неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо мнение моё таково, что этот живой броненосец с бронированной палубой (так величал он Крокодила) хочет испортить твою будущую карьеру...

Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слонёнок, но тянет и Крокодил.

Тянет, тянет, но так как Слоноёнок и Двухцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов должен выпустить нос Слоноёнка, — он отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

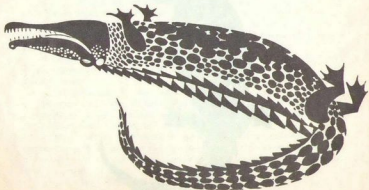
А Слоноёнок как стоял, так и сел сразмаху и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двухцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, хотя, право, ему было не до того: надо было поскорее заняться вытянутым носом — обернуть его мокрыми листьями бананов и опустить в холодную мутно-зелёную воду реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— К чему тебе это? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Простите, пожалуйста, — сказал Слоноёнок, — нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придется ждать, — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — То-есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слоноёнок простоял над водой три дня и три ночи и всё поджидал, не уменьшится ли у него нос. Но нос не уменьшался и, — мало того, — из-за этого носа глаза у Слоноёнка стали немного косыми.

Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слонёнку нос в самый заправдашний хобот — точь-в-точь такой, какие бывают у нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слонёнка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот, хлопнул хоботом муху — и та повалилась замертво.

— Вот тебе и первая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Ну, рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним булавочным носом? Кстати, не хочешь ли закусить?

И Слонёнок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле, сорвал хороший пучок травы, отряхнул от него глину о передние ноги и тотчас же сунул себе в рот.

— Вот тебе и вторая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

— Пожалуй, что и так! — сказал Слонёнок. — И сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из грязной, мутно-зелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову: ил расквасился мокрой лепёшкой, и за уши Слонёнку потекли целые потоки воды.

— Вот тебе третья выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! И кстати, что ты теперь думаешь насчёт туманов?

— Простите, пожалуйста, — сказал Слонёнок, — но я, право, не люблю туманов.

— А вздуть кого-нибудь другого? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Это я готов! — сказал Слонёнок.

— Ты ещё не знаешь своего носа! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Это просто клад, а не нос.

— Благодарю вас, — сказал Слонёнок, — я приму это к сведению. А теперь мне пора домой; я пойду к моим милым родственникам и проверю мой нос на моих домашних.

И пошёл Слонёнок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом. Захочется ему плодов — он срывает их прямо с дерева, а не стоит и не поднимает, как прежде, чтобы они свалились на землю.

Захочется ему травы — он рвёт её прямо с земли, а не валится на колени, как бывало до той поры.

Мухи докучают ему — он срывает с дерева ветку и машет ею как веером. Припекает солнце — он сейчас же опустит свой хобот в реку, — и вот на голове у него холодная, мокрая нашлапка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке — он играет хоботом песни, и хобот его звонче сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать Бегемотиху, хорошенько отколотить её и проверить, правду ли сказал ему Двухцветный Питон про его новый нос. Поколотив Бегемотиху, он пошёл по прежней дороге и подбирал с земли те динные корки, которые разбрасывал по пути к Лимлопо, — потому что был Чистоплотным Толстокожим.

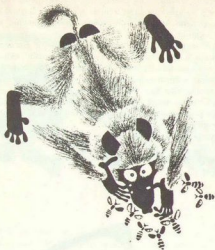
Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришёл домой к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

— Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

— Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе туманов за твое несносное любопытство.

— Эх, вы! — сказал Слонёнок. — Много вы смыслите в тумках! Вот я в этом деле понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тормашками.

— Клянёмся бананами, — закричали они, — где это ты так наострился и что у тебя такое с носом?

— Этот нос у меня новый и дал мне его Крокодил — на грязной, мутно-зелёной реке Лиимполо, — сказал Слонёнок. — Я завел с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

— Безобразный нос! — сказал волосатый, мохнатый дядька Павнан.

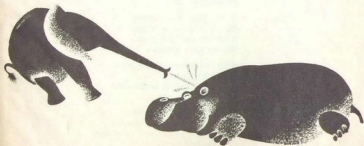
— Пожалуй, — сказал Слонёнок, — но полезный!

И он схватил волосатую ногу волосатого дядьки Павяна и, раскачав, закинул его в осиное гнездо.

И так разошелся этот гадкий Слонёнок, что отколотил всех своих милых родственников. Те выпучили на него глаза от изумления. Он выдернул у долговязой тётки Страусихи чуть не все её перья из хвоста; он ухватил длинноногого дядьку Жирафа за заднюю ногу и поволок его по терновым кустам; с гиканьем стал он пускать пузыри прямо в ухо своей толстой тётке Бегемотихе, когда та дремала в воде после обеда, но никому не позволял обижать птичку Колоколо.

Дело дошло до того, что все его родственники — кто раньше, кто позже — отправились к грязной, мутно-зелёной реке Лимполо, окружённой деревьями, нагоняющими на людей лихорадку, чтобы и им подарил Крокодила по такому же носу.

Вернувшись, родственники уже больше не дрались, и с той поры, мой мальчик, у всех Слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, у всех такой самый хобот, как у этого любопытного Слонёнка.

Есть у меня шестёрка слуг
Проворных, удалых,
И всё, что вижу я вокруг,
Всё знаю я от них.

Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.

Бегут на запад, на восток,
На север и на юг.
Даю я каждому урок
И каждому досуг.

Я по утрам, едва встаю,
Всегда берусь за труд,
А слугам отдых я даю —
Пускай едят и пьют.

Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг —
И всем покоя нет.

Она их гонит, как собак,
В ненастье, дождь и тьму,
Пять тысяч Где, семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!

15861

